

июля «Святой Фока» покинул бухту Тихую, а через месяц пришел в Архангельск. Нет никаких сведений о результатах предпринятых правительством поисков неудавшейся экспедиции. Но то, что сибиряки приняли в ее организации самое живое участие, несомненно...

...Может быть, и сейчас потомки тех сибирских лаек где-то на северном морском побережье встречают суда, возвращающиеся из рейса, не подозревая о славном прошлом своих предков.

### ***Е. В. БОРОДУЛИНА***

*доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент*

## **МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Естественное развитие мелкой промышленности Тобольской губернии было нарушено, как и везде в России, Первой мировой войной. Регион оказался оторванным от западных рынков и промышленных центров, ухудшилась работа железнодорожного транспорта, почти совершенно прекратилось переселение крестьян из Центральной России, а большинство переселенческих дворов, основанных в крае после Столыпинской реформы, не успело включиться в промысловую деятельность, так как необходимых для хозяйственного освоения 6–10 лет новоселы не получили.

В целом шло сокращение кустарного производства, на что обращали внимание волостные старшины при заполнении анкет, распространяемых губернскими статистическими комитетами в 1914 г. Интерес в данном случае представляют их ответы на шестой вопрос анкеты: «Увеличился или уменьшился заработок от промыслов против прежних лет и по каким причинам?». Подавляющее большинство волостных старшин Тобольской губернии отметило, что заработки уменьшились, причем в качестве указываемой причины этого

снижения чаще всего давались подобные ответы: «зарботки уменьшились из-за военного времени»; «по случаю войны»; «причиной к падению зарботков послужили военные обстоятельства» [1]. А на вопрос: «Не стали ли заниматься в Вашей местности каким-либо новым промыслом?» — 121 волостной старшина из 243 приславших анкеты (всего по губернии 260 волостей) дали ответ «нет», а остальные (т. е. 122) ограничились общей формулировкой: «кустарных промыслов в районе волости нет» или «ремеслами и промыслами на продажу в волости не занимаются» [2]; от 17 волостных старшин ответов не последовало вообще. Конечно, анкеты, присылаемые из волостей в Тобольский губернский статистический комитет, в силу целого ряда причин, не могут служить надежным статистическим источником, но в данном случае, важны даже не сами цифры, а тот факт, что ни в одном (!) заполненном бланке не оказалось положительного ответа на вопрос о появлении новых промыслов. В 1915 г. вновь в качестве основной причины называется «совокупность условий, вызванных войной» [3].

О сокращении кустарного производства и острой нехватке предметов промысловой обработки содержат сведения и описательные источники рассматриваемого периода. Здесь представляет интерес статья «О сибирской кустарной промышленности», опубликованная в 1917 г. в «Вестнике кустарной промышленности», автор которой, подводя итог промысловой деятельности в Сибири за годы войны, говорит о все более возрастающем огромном неудовлетворенном спросе на мелкопромышленные товары первой необходимости [4].

Сильно пострадало в этот период маслodelие края, ориентированное преимущественно на экспорт. Так, в Тюменском уезде производство масла сократилось с 1914 по 1917 г. на 46% [5], а в целом по Тобольской губернии — на 42,8% [6].

Снижение объемов производства наблюдалось не только в обрабатывающих промыслах, но и в добывающих, например в рыбном. Статистические источники позволяют проследить сокращение этой отрасли добывающей промышленности за три военных года в

Ишимском уезде Тобольской губернии, причем уменьшение шло в течение всех военных лет, и в 1916 г., по сравнению с довоенным 1913 г., рыбы в уезде было добыто по весу в 10,2 раза меньше, по сумме — в 5,5 раз [7].

В военное время происходило и некоторое оживление в ряде отраслей кустарно-ремесленного производства, поводом для которого послужили в основном два фактора: уменьшение конкуренции со стороны крупной промышленности и потребности армии. Однако общая картина сокращения и замедления темпов развития в мелкой промышленности губернии от этого не менялась.

Первая мировая война привела к усилению государственного воздействия на все сферы хозяйственной жизни. Все отрасли экономики приспособивались к нуждам войны. Государственное регулирование распространилось и на кустарно-ремесленное производство. При помощи централизованного распределения сырья и системы заказов сибирские кустари стали привлекаться к выполнению заявок армии. В 1915–1916 гг. Тобольским кустарным комитетом было организовано выполнение целого ряда заказов для фронта. Например, только в 1915 г. мелкие промышленники Ишимского и Тюменского уездов Тобольской губернии получили заказ на изготовление конской сбруи, артиллерийских ящиков, валенок, полушубков и проч. на сумму 8 млн 270 тыс. руб., который успешно выполнили. В 1916 г. сумма заказа для кустарей и ремесленников этих территорий выросла в 4,2 раза.

В мелкой промышленности края (исключение составляло лишь маслоделие) вплоть до Первой мировой войны господствовал труд раздробленных производителей. В годы войны тяга кустарей и ремесленников к кооперативной организации проявилась активнее. Это было связано как с усилением участия правительственных органов в кооперировании мелких товаропроизводителей, так и с желанием последних избавиться от засилья в сибирских кустарных промыслах торгово-ростовщического капитала.

К 1917 г. Союз сибирских маслодельных артелей имел вместе с главной 20 контор. Из них наиболее крупными по сумме оборота

масла, по данным на 1916 г., были Курганская (главная) контора — 12 млн 980 тыс. руб. и Ишимская контора — 9 млн 513 тыс. руб. [8]. Кооперативные маслодельни, входившие в Союз, не имели права сдавать масло в частные фирмы. При этом они только выигрывали, так как несоюзные артели, продававшие масло в частные руки, недополучали за него от 74 коп. до 1 руб. 29 коп. на пуд.

В годы войны организационное и финансовое воздействие кооперации на промыслы усилилось. Так, с 1914 по 1916 г. появилось большое количество новых кредитных кооперативов, которые ссужали именно кустарей под залог их изделий (например, Пегановское кредитное товарищество в Ишимском уезде, Мироновское — в Туринском, Викуловское — в Тарском уезде) [9]. При этом расширялась география кредитной кооперации; еще в 1912 г. в Тарском и Туринском уездах не было ни одного ссудо-сберегательного или кредитного кооперативного учреждения. Возникали и новые потребительские общества [10], среди которых к 1916 г. очень активно действовал тобольский потребительский кооператив «Самосознание» [11]. Появились потребительские общества и в новых районах губернии, например в Березовском уезде [12]. В июне 1916 г. в Кургане прошел съезд маслодельных и потребительских кооперативов и сельскохозяйственных обществ, где в том числе обсуждались проблемы потребительской кооперации, ставился вопрос об объединении потребительских обществ Тобольской губернии в Курганский союз [13].

Если об организации потребительской кооперации в Союз еще только шла речь в 1916 г., то в кредитной кооперации союзные объединения уже имели место на практике. Первый кредитный Союз в Тобольской губернии возник в Курганском уезде в 1916 г. В 1917 г. появились Ишимский и Тюменский кредитные союзы.

В годы Первой мировой войны кредитная и потребительская кооперация выступили как организаторы преобразования кустарного производства в мануфактуру, способствуя в экономическом отношении росту производственных показателей, обновлению основных и увеличению оборотных капиталов в мелкой промышленности,

а в социальном — превращению мелких товаропроизводителей-собственников в наемных рабочих кооперативных предприятий. Там, где главной фигурой в организации кустарного производства выступал торгово-ростовщический капитал — скупщики, торговцы, владельцы раздаточных контор и т. п., кооперация вытесняла их и постепенно монополизировала кустарный рынок. Кредитная, а за ней и потребительская кооперация кредитовали кустарей, производили скупку кустарных изделий, организовывали отделения и склады на местах, раздавали мелким производителям для окончательной обработки полуфабрикаты [14].

В военное время указанные виды кооперации направляли свои усилия и на создание собственных предприятий. Так, по инициативе членов кредитных товариществ Густафского района Тюкалинского уезда было решено построить кооперативную мельницу [15]. А тюменское кредитное товарищество с 1915 г. начало снабжать мастеров-пимокатов необходимым сырьем для производства валяной обуви, организовав общественную мастерскую для раздачи шерсти. Пимокатам, пользующимся кредитом, запрещалось покупать шерсть на стороне. Готовую продукцию они сдавали в товарищество, отвечая перед последним за качество своего товара. Кредитное товарищество занималось сбытом произведенной продукции, расплачивалось с кустарями за проделанную работу [16]. Собственные относительно крупные овчинно-шубные, пимокатные, шерстечесальные заводы и мастерские были открыты и другими кредитными и потребительскими союзами губернии. Подобная деятельность кооперации свидетельствовала о дальнейшем развитии капиталистических отношений в мелкой промышленности, она способствовала не только развитию мануфактурного производства, но и превращению самостоятельных мелких товаропроизводителей в наемных рабочих.

Военные заказы и производственная деятельность кооперации стимулировали рост производства в ряде отраслей мелкой промышленности Сибири, но не были решающими факторами ее развития в военные годы. Большее значение имел тот факт, что основным потребителем кустарной продукции являлись крестьяне и, частич-

но, горожане Тобольской губернии. Поэтому сокращение мелкого и кустарно-ремесленного производства здесь было ниже, чем в России в целом. И все-таки в результате массовых мобилизаций число рабочих рук в мелкопромышленном производстве уменьшилось. К 1917 г. общая численность кустарей и ремесленников по сравнению с весной 1914 г. сократилась примерно на 21% [17].

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 345. Л. 23; Д. 348. Л. 2, 11.
2. ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 344. Л. 18, 22, 27, 33, 37, 38; Д. 345. Л. 3, 10, 17; Д. 347. Л. 1, 5, 11, 17, 20, 22; Д. 348. Л. 23; Д. 349. Л. 4, 10.
3. Там же. Д. 308. Л. 66.
4. Вестник кустарной промышленности. 1917. № 6–8. С. 33, 34.
5. Материалы по экономике Тюменской области (копии, присланные по запросу облархивом за 1911–1928 гг.). Б. м., б. г. С. 75.
6. ГАКО. Ф. 154. Оп. 2. Д. 23. Л. 210, 321.
7. Подсчитано по: ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 371. Л. 13; Д. 373, Л. 16, 19; Д. 375, Л. 14 об., 17, 33; Д. 376. Л. 7 об., 10, 25, 28.
8. ГАКО. Ф. 154. Оп. 2. Д. 23. Л. 304, 327.
9. Тобольские губернские ведомости. 1914. № 30; 1916. № 4.
10. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1377. Л. 1, 12.
11. Сибирский листок. 1916. 13 дек.
12. Запороженко Г. М. Роль городских и рабочих потребительских обществ Сибири в создании кооперативных союзов (конец XIX — начало XX в.) // Кооперация Сибири в XX в.: потребительские союзы и общества. Новосибирск, 1998. Вып. 3. С. 24.
13. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1374. Л. 101–121.
14. Коновалов В. В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура: вопросы теории и практики военного коммунизма. Новосибирск, 1995. С. 70; Николаев В. Кустарная промышленность Сибири // Красная Сибирь. 1921. № С. 68.
15. Народная газета. 1914. 2 нояб.
16. ГАТО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 10, 67.
17. ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 347. Л. 8, 13, 21; Д. 348. Л. 9.